

Костаки предлагал советскому правительству открыть музей современного искусства, куда хотел передать оставшееся. Предложение не оценили. Спустя 10 лет Греция выкупила коллекцию у наследников, 1277 вещей — на этой основе в 1997-м был создан Государственный музей современного искусства в Салониках, он-то и носит имя Костаки. И хотя салоникский музей в выставке не участвует, кое-что привезут из афинских коллекций дочерей Костаки, Алики и Натали. В том числе собственные работы их отца: в старости он взялся за кисть, самолично заделавшись наивным художником. Писал пейзажи символистского толка. Россию — с первым снегом, после пожара, с церковью, с лагерями (это как раз вполне конкретный вид Котласа — он ездил навещать осужденного по 58-й статье брата), с «кладбищем авангарда» и «могилой Малевича». Писал и Грецию — с Олимпом. Сейчас очевидно, что его имя стоит в одном ряду с именами Сергея Щукина и Ивана Морозова: без их коллекций и наши музеи, и само наше искусство были бы совсем другими. Без Костаки — особенно: кабы не его собирательский азарт и смелость, кабы не готовность оставить лучшую часть — не собрания, самого себя — в России, многое бы просто сгинуло или в лучшем случае осело бы в Амстердаме, Стокгольме, Париже или Лондоне. Он действительно отдал Третьяковке самое ценное, а понимал в том, что ценно, не хуже искусствоведческой комиссии. Собирать начал в отроческом возрасте — серебро, фарфор, малые голландцы. Созрел к 33 годам: в 1946-м — в год постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» — ему подарили «Зеленую полосу» Ольги Розановой, и его коллекция стала изменяться. Это, пожалуй, и есть главная тайна биографии Костаки: нынче школы коллекционеров открываются одна за другой, а у него и образования-то толком не было. Ну, положим, разузнать что-то про Василия Кандинского или Казимира Малевича при желании можно было и в СССР, а уж для «выездных» это не составляло труда. Ну, положим, легко было догадаться, что не один только гремевший на весь мир Марк Шагал, с которым он потом почти что подружился, но и совсем тогда забытые художники эмиграции вроде Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой, в чью парижскую мастерскую он наведился при первой же возможности, это что-то стоящее. Хотя бы потому, что эти двое были связаны с Дягилевскими сезонами. Но как он понял, что «надо брать» каких-то Павла Филонова и Михаила Матюшина? А Любовь Попову? (Это с ней связана легендарная история, как одну из картин он нашел у наследников на даче, вставленной в оконную раму вместо стекла.) И с чего он взял, что Александр Родченко — это не всего лишь фотограф? (В 1977-м третьяковские отборщики все еще были уверены в обратном, поэтому забракованного Родченко Костаки с чистой совестью увез в Грецию.) Кто подсказал ему имя отрекшегося от себя самого Климента Редько? На обороте «Восстания» сохранилась надпись, сделанная при передаче в Третьяковку: «Картина века, самое великое произведение революционной России. Георгий Костаки. Москва, 14 апреля 77 года». «Картину века» вдова Редько прятала под шкафом, что понятно: рядом с Лениным — Троцкий и Бухарин, за такое еще недавно расстреливали. Не страшно ли ему, члену семьи репрессированных, было покупать работы расстрелянных латышей, Густава Клуциса и

Любовь Попова. «Установка», 1922 год

Аристарх Лентулов. «Пейзаж с воротами», 1913 год

Казимир Малевич. «Портрет М.В. Матюшина», 1913 год

Иван Клюн.
«Пробегающий пейзаж», 1913 год